Яков Гилинский

Девиантология

социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»

УДК 316.624
ББК 60.54
Г 470

Гилинский Я. И.

Г 470 Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Монография / Я. И. Гилинский. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2021. – 602 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).

ISBN 978-5-00165-193-2

В монографии (1-е издание вышло в 2004 г., 2-е в 2007 г., 3-е в 2013 г.) излагаются теоретические основы и история формирования девиантологии – социологии девиантности и социального контроля. Рассматриваются основные формы девиантности – преступность, коррупция, терроризм, наркотизм, пьянство, самоубийства, проституция, сексуальные отклонения, социальное творчество и др., а также теория и основные направления социального контроля над девиантностью. Настоящее издание существенно расширено, обновлены статистические сведения и литература.

Книга рассчитана на специалистов – социологов, юристов, конфликтологов, политологов, психологов, а также широкую читательскую аудиторию. Может быть использована в качестве учебного пособия по курсу «Социология девиантности и социального контроля», а также при изучении криминологии, общей социологии, конфликтологии, политологии, психологии.

УДК 316.624
ББК 60.54

© Я. И. Гилинский, 2021
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

ВВЕДЕНИЕ

Феномен девиации — интегральное будущее общества.
P. Higgins, R. Butler

Вторая половина XX столетия характеризовалась социальными процессами, поставившими под сомнение многие ценности и идеалы человечества и поколебавшими веру в торжество разума и порядка, в прогресс человеческой культуры и цивилизации. Окончание страшной по своим масштабам и последствиям Второй мировой войны не принесло человечеству желанного умиротворения и благополучия. А для одного из победителей — Советского Союза послевоенная история закончилась крахом «в мирное время». После Освенцима трудно сохранить веру в человечность и общечеловеческие ценности. Освенцим — как символ бесчеловечности — разделил историю на «до» и «после». И «после» оказалось невозможным жить так, как «до».

Растет экономическое, технологическое и социальное неравенство между развитыми и развивающимися странами, пропасть между странами «золотого миллиарда» и всеми остальными, между странами и людьми «включенными» («*included*») в активную экономическую, политическую, культурную, «цифровую» жизнь и «исключенными» («*excluded*») из нее[1]. «Страны современного мира можно разделить на две группы. Государства, входящие в одну из них, участвуют в мировой экономике, и в результате имеют доступ к глобальному рынку капитала и передовым технологиям. К другой группе относятся те, кто, не присоединяясь к процессу глобализации, не только обрекают себя на

[1] К теме «inclusive / exclusive» мы еще вернемся.

отсталое существование в относительной бедности, но рискуют потерпеть абсолютный крах»[2].

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн приходит к убеждению, что капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис[3]. Это не означает возврата к «социалистической» модели общества, а констатирует неизбывность проблем человеческого бытия и необходимость поиска новых путей развития (да и самого существования) человечества.

Похоже, что реалии XX века — с двумя мировыми войнами, сотнями локальных войн, «холодной войной», гитлеровскими и ленинско–сталинскими концлагерями, с геноцидом, Холокостом, терроризмом, фашизмом и т.п. — разрушили иллюзии и мифы относительно «порядка» и возможностей эффективного социального контроля. Сумма преступлений, совершенных государствами (их руководителями или, точнее, «крестными отцами»), превысила стократ преступления одиночек. Вот только несколько цифр по некоторым странам, чьи лидеры — «спонсоры убийств» (N. Kressel), принесли в жертву человеческие жизни: СССР (1917 — 1987) — 61,9 млн. человек, коммунистический Китай (1949 — 1987) — 35,2 млн., Германия (1934 — 1945) — 20,9 млн., националистический Китай (1928 — 1949) — 10,1 млн., Япония (1936 — 1945) — 5,9 млн., Камбоджа (1975 — 1978) — свыше 2 млн., Вьетнам (1945 — 1987) — 1,7 млн., Пакистан (1971) — 1,5 млн., Югославия (1944 — 1987) — 1,07 млн. человек[4].

Начало столь ожидаемого XXI столетия (и третьего тысячелетия — Millennium) не принесло успокоения. Американская трагедия 11 сентября 2001 г. стала таким же знаковым событием наступившего века, как Освенцим — минувшего.

С конца XX столетия человечество живет в совершенно новом мире, мире *постмодерна* или постклассическом, постсовременном, постиндустриальном мире — кому как больше нравится его

---

[2] Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация. В: Россия и Запад в новом тысячелетии: Между глобализацией и внутренней политикой. — George C. Marshall European Center for Security Studies, 2002. С. 30.

[3] Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long–term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000, Vol.15, №3.

[4] Kressel N. Mass Hate. The Global Rise of Genocide and Terror. — Plenum Press, 1996, pp. 252–253.

называть. Не сразу приходит осознание необычности и невиданных ранее возможностей (и угроз) этого мира, этой новой эпохи в истории человечества[5].

Известно, что в истории *одна эпоха сменяется другой*. Смена модерна (условно — 19–й — 20–й века) эпохой постмодерна (с 1970–х — 1980–х годов) — естественный процесс. То, что каждая новая эпоха *не одномоментно* охватывает все человечество — тоже вполне нормально. Как и то, что новая эпоха может различными авторами *по–разному называться*: постмодерн, постсовременное, постклассическое, постиндустриальное общество.

Главное:

- общество постмодерна есть *реальность;*
- общество постмодерна характеризуется вполне определенными *свойствами, признаками, особенностями*;
- мы все живем в обществе постмодерна, нравится нам это или не нравится, а потому необходимо *знать, изучать* его свойства, особенности, характеристики, дабы *вести себя, действовать, выживать* в непривычном обществе;
- основные характеристики, особенности, свойства постмодерна сказываются на всех сторонах жизни, всех процессах, всех общественных феноменах, включая преступность и иные проявления девиантности. Да и само понятие «девиантность» становится все более относительным…

Первоначально понимание общества постмодерна происходило преимущественно на уровне философии (Ж.Ф. Лиотар, Ж. Бодрийар) отчасти — искусства (живописи, скульптуры, архитектуры). Социология (А. Гидденс, Р. Инглхарт), социальная психология, экономическая наука, правоведение (И.Л. Честнов), криминология, постепенно начинают осознавать и изучать свой предмет с позиций постмодернистской реальности. Я уже не говорю о политиках и политике… Все это чревато многочисленными проблемами как следствием «отставания» *understanding* от *reality*.

Различные авторы по–разному акцентируют внимание на специфике, характеристике общества (мира, эпохи) постмодерна. Например: «Постмодерн нередко определяется как состояние,

---

[5] Подробнее авторская позиция изложена в: Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. — СПб: Алетейя, 2017.

где растет внутренняя свобода человека, преодолевается отчуждение и снижается его зависимость от хозяйственных и политических институтов»[6]. Или: сдвиг от «материалистических» ценностей, с упором на экономической и физической безопасности, к ценностям «постматериальным», с упором на проблемах индивидуального самовыражения и качества жизни[7]. С моей точки зрения, это — существенное повышение уровня *индивидуальной свободы человека* при усилении «несвободы», *зависимости от современных и предстоящих технологий, включая робототехнику и искусственный интеллект* (да и от отстающей политики...).

Понятие *постмодерна* неоднозначно понимается и в разное время, и в разных областях науки и искусства[8]. Само *наименование* нового цивилизационного этапа предлагается, как уже упоминалось, различное: постмодерн, общество постклассическое, постсовременное, постиндустриальное. Нередко происходит смешение понятий «*постмодерна*» — как характеристики нового цивилизационного периода в истории человечества, и «*постмодернизма*» — как определенного направления в живописи, архитектуре, вообще искусстве. Нет и единого понимания, когда цивилизация модерна сменяется миром постмодерна. Вероятно, процесс становления общества постмодерна начинается в 1970–е — 1980–е годы. Об этом свидетельствуют как реальные проявления нового мира (глобализация, массовая миграция, технологические прорывы, виртуализация), так и временно́е совпадение концепций «кризиса наказания» (Т. Матиссен, 1974), включенности / исключенности (inclusion / exclusion, Р. Ленуар, 1974), глобализации (Р. Робертсон, 1985) и др.

---

[6] Постмодерн // URL: // http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8896/%D0%9F%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%9C%D0%9E%D0%94%D0%95%D0%A0%D0%9D (Дата обращения: 10.06.2018).

[7] Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm (Дата обращения: 12.05.2018).

[8] Андерсон П. Истоки постмодерна. — М.: Территория будущего, 2011; Жмуров Д.В. Криминология в эпоху постмодерна. В поисках новых ответов. — Иркутск: БГУЭиП, 2012; Лиотар Ж.–Ф. Состояние постмодерна. — СПб: Алетейя, 1998; Постклассическая онтология права / ред. И.Л. Честнов. — СПб: Алетейя, 2016; Социо–Логос постмодернизма / ред. П. Бурдье и др. — М.: ИЭС, 1996; Честнов И.Л. Постклассическая теория права. — СПб: Алеф–Пресс, 2012.

Различны и объяснения перехода от общества модерна к постмодерну. Например: бюрократическое государство, дисциплинированная олигархическая политическая партия, сборочная линия массового производства, профсоюз старого образца и иерархическая корпорация сыграли важную роль в мобилизации и организации энергии масс людей. Они сделали возможными промышленную революцию и современное государство. Но они подошли к поворотному пункту — по двум причинам: во–первых, они приближаются к пределам своей функциональной эффективности; а во–вторых — к пределам их массового приятия[9].

Вместе с тем, мы живем в совершенно новом мире, в совершенно новой реальности. «Постмодерн как радикальное изменение во всех сферах человеческого существования»[10]. Это плохо осознается (или совсем не осознается) большинством населения нашего единого, но фрагментарного мира. Хуже (и опаснее) того, — это зачастую не понимается правителями, властями (и не только российскими).

У нас есть неограниченные возможности (за несколько часов переместиться в любую точку планеты; поговорить посредством скайпа с приятелем, находящимся в Австралии или Японии; молниеносно отреагировать на любую новость, высказавшись — «на весь свет» — в сетях интернета) и неограниченные риски, вплоть до тотального самоуничтожения человечества — *омницида*... «Мы, в сущности, живем в апокалиптическое время... экологический кризис, биогенетическая редукция людей к манипулируемым машинам, полный цифровой контроль над нашей жизнью»[11]. Уже можно ездить на автомобилях и трамвае (как в Китае) без водителя, в домашних условиях соорудить пистолет с помощью 3D, приобрести робота–горничную или робота–любовницу, а с помощью беспилотников (дронов, БПЛА) можно летать, перевозить, доставлять, но и бомбить... Привычные «истины» и «смыслы» теряют свои основания. *Неопределенность* — постоянное состояние нашего бытия. *Общество постмодерна есть общество возможностей и рисков* (вспомним У. Бека).

---

[9] Инглхарт Р. Там же.

[10] Андерсон П. Истоки постмодерна. — М.: Территория будущего, 2011. С.39–40.

[11] Жижек С. Размышления в красном цвете. — М.: Европа, 2011. С. 289.

А вот образ современного мира, предложенный Зигмундом Бауманом в лекции «Текучая модерность: взгляд из 2011 года», состоявшейся 21 апреля 2011 г. в МГУ[12]: «Мы летим в самолете без экипажа в аэропорт, который еще не спроектирован...».

Современная эпоха постмодерна выдвигает перед обществом невиданные ранее проблемы вживания и выживания, а перед общественными науками — осмысление происходящих тотальных изменений в жизни современного человечества.

Фундаментальные изменения социальной реальности привели к смене — или пониманию необходимости такой смены — парадигмы (системы научных представлений) в общественных науках. Современные концепции девиантности и социального контроля в социологии, криминологии, девиантологии (социологии девиантности и социального контроля) утверждают: сама социальная «реальность является девиантной», а потому «следует интересоваться собственно девиантностью, а не рациональностью»[13], «феномен девиации — интегральное будущее общества»[14], «девиантность — будущее современности»[15]. Так что «следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля»[16], «институты, призванные корректировать поведение, на самом деле воспроизводят отклонения... Тюрьмы не столько «вновь приспосабливают»» к обществу людей, сколько делают их профессиональными преступниками»[17], «попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал»[18], а «основа закона есть не что иное, как произвол»[19].

---

[12] Текучая модерность: взгляд из 2011 года // URL: http: // polit.ru/ lectures/ 2011/05/06/bauman.html (дата обращения: 25.03.2017).

[13] Интервью с профессором Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии / ред. А.О. Бороноев. — СПб.: Петрополис, 1994. С.246.

[14] Higgins P., Butler R. Understanding Deviance. — McGraw–Hill Book Company, 1982, p. 8. Здесь и далее перевод автора (*Я.Г.*).

[15] Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary. — Buckingham: Open University Press, 1994, p. 3.

[16] Luhmann N. Beobachtungen der Moderne. — Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992.

[17] Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. — М.: Изд–во «Весь мир», 1995. С. 63.

[18] Бауман З. Мыслить социологически. — М.: Аспект Пресс, 1996. С.193.

[19] Бурдье П. За рационалистический историзм // Социо–логос постмодернизма. — М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С.15.

Внесу и свой вклад: *девиантность нормальна* в том смысле, что все «девиантные» проявления были, есть и будут в человеческом обществе, что общество без нарушений принятых норм, правил невозможно, или же обречено на застой[20].

Постмодерн развенчивает как иллюзии и мифы Просвещения, основанные на вере в Разум, так и мифы и иллюзии Модерна, основанные на вере в Демократию, Свободу и Прогресс.

Очевидна **проблемная ситуация***: неадекватность (рассогласование, несоответствие) социальных реалий (девиаций, девиантности общества), реакции общества на них (социальный контроль) и научного их осмысления (девиантологические теории).*

С моей точки зрения, структурные и динамические изменения социальных девиаций, низкая эффективность социального контроля, равно как неудовлетворенность существующими социологическими концепциями девиантности побуждают не отказываться от исследования социальных девиаций, а усиливать их конструктивное изучение. Глобальная «девиантизация» современных обществ — лишний довод в пользу радикальной смены девиантологических парадигм. Современное «общество риска» (У. Бек), «катастрофическое общество» требует адекватного описания и объяснения. Смена научных парадигм — это нормальный процесс развития науки, а не ее гибель, заслуживающая некролога и реквиема (Sumner C.[21]). Впрочем, в условиях «новой непрозрачности» (Ю. Хабермас) важно хотя бы понять, «что не можешь понять того, чего не понимаешь» (Н. Луман).

Между тем, девиантность и развитие девиантологической теории в России имеют свои особенности.

Во–первых, многие десятилетия советской власти проблемы социальных девиаций — преступности, наркотизма, самоубийств, проституции и др. — тщательно замалчивались. Преступность постоянно «сокращалась», с пьянством «боролись», а самоубийства, наркотизм, проституция были «чужды советскому народу» и о них изредка упоминали

---

[20] Гилинский Я. Нормальность девиантности // Scientific Magazine of the UK Academy of Education (London), 2020. №2 (32). С. 54–59.

[21] Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary. — Buckingham: Open University Press, 1994. См. также: Goode E. Deviant Behavior. — Upper Saddle River (№ 1), 2005.

лишь в рубрике «их нравы» (имея в виду «капиталистические» страны).

Во–вторых, идеологически допустимые официальные объяснения девиантных проявлений сводились к «пережиткам капитализма» и «влиянию капиталистического окружения» (я не останавливаюсь пока на тех исключениях, «отклонениях» от официоза, которые стали проникать в отечественную науку, начиная с хрущевской «оттепели»).

В–третьих, политика изоляционизма в бывшем СССР, «железный занавес», строжайшая цензура, «борьба с буржуазной идеологией» и «лженауками» привели к изоляционизму в науке, отсутствию международных научных связей, недоступности зарубежной литературы. Отечественные общественные науки, включая социологию, криминологию, наркологию, сексологию, суицидологию фактически выпали из мировой науки.

В–четвертых, как следствие вышесказанного, формирующаяся с начала 1970–х годов прошлого столетия отечественная социология девиантности и социального контроля была представлена очень небольшим, по сравнению с другими странами, количеством имен и трудов. Достаточно сказать, что к началу 1990–х годов имелись лишь одна монография[22] и одно учебное пособие[23], посвященные социологии девиантности. А «девиантное поведение» заменялось «отклоняющимся», дабы не «засорять» русский язык иностранными словами[24].

В 1990–е и последующие годы ситуация существенно улучшилась. В Социологическом институте РАН (СИ РАН, Санкт–Петербург) и Институте социологии РАН (ИС РАН, Москва) были созданы и активно занимались исследовательской деятельностью подразделения по изучению девиантных проявлений и социального контроля. На базе СИ РАН был создан Центр

---

[22] Социальные отклонения. Введение в общую теорию. — М.: Юридическая литература, 1984; Социальные отклонения. Изд. 2–е. — М.: Юридическая литература, 1989.

[23] Гилинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учебное пособие. — СПб Ф ИС РАН, 1993.

[24] Поэтому и моими первыми статьями были: Гилинский Я.И. Некоторые проблемы «отклоняющегося поведения» // Преступность и ее предупреждение (вып. 23). — Л.: ЛГУ, 1971; Гилинский Я.И. Отклоняющееся поведение как социальное явление // Человек и общество, вып. VIII. — Л.: ЛГУ, 1971.

девиантологии. Появились многочисленные труды отечественных девиантологов (Н. Бараева, К. Белоусов, В. Брюно, Я. Гилинский, В. Гольберт, И. Гурвич, А. Дмитриева, Ю. Клейберг, Ю. Комлев, Я. Костюковский, М. Позднякова, М. Русакова, Л. Рыбакова, Т. Хагуров, А. Яковлева и др.). Некоторые российские девиантологи стали членами 29–го Исследовательского комитета «Sociology of Deviance and Social Control» Международной социологической ассоциации (ISA), членами Международной Ассоциации девиантологов, участвуют в работе соответствующих международных конференций и конгрессов.

Вместе с тем, как во всем мире, так и в современной России наблюдается наличие и рост различных девиаций, как следствие глубоких социальных изменений, присущих обществу постмодерна. Такие формы девиантности как организованная преступность, коррупция, терроризм, киберпреступность, алкоголизация и наркотизация населения, самоубийства, усиленные экономическими и политическими кризисами, не способствуют развитию современного общества. Существует объективный социальный заказ, не всегда осознаваемый и артикулируемый, на проведение международных и отечественных девиантологических исследований и развитие социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) как специальной социологической теории.

Предлагаемая работа (начиная с ее первого издания в 2004 г.) представляет собой попытку подвести некоторые итоги становления и развития девиантологии, прежде всего отечественной. Лишь осмыслив достигнутое, можно двигаться дальше, в направлении новых парадигм, новых объяснительных концепций. Очевидно, необходима новая, «сумасшедшая» теория, способная понять непонимаемое (так и хочется сказать: для объяснения абсурдного мира нужна «абсурдная» теория). Но это — задача молодых ученых, с «чистыми» мозгами, не засоренными грузом пережитого и передуманного...

Автор далек от мысли навязывать читателям свои убеждения. Во всех наших рассуждениях незримо присутствуют ставшие своеобразным девизом слова двух великих физиков прошедшего столетия: «Каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос» (Н. Бор)[25] и «Вера в то, что

[25] Цит. по: Холтон Дж. Тематический анализ науки. — М.: Прогресс, 1981. С. 195.

существует только одна истина и что она уже постигнута, кажется мне главной причиной всех зол на Земле» (М. Борн)[26]. Вот почему одной из «сверхзадач» книги является попытка автора привлечь читателя к заинтересованному *диалогу*.

Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию, прежде всего на молодого читателя — студента, магистранта, аспиранта, специалиста и может быть использована в качестве учебного пособия по курсу «Социология девиантности и социального контроля», а также в курсах общей социологии, криминологии, политологии, психологии. Надеюсь, что и коллеги — социологи, криминологи, психологи, представители других общественных наук не оставят сей труд без внимания. Буду искренне признателен всем, кто сочтет возможным высказать критические замечания и предложения по этой работе.

Я благодарен всем сотрудникам Центра девиантологии Социологического института РАН за бесценную помощь и участие в изучении девиантности и социального контроля, и, конечно же, Наталию Проскурнину за безграничную помощь и поддержку во всех моих трудах. Ей же принадлежит неблагодарная работа по составлению библиографии ко всем четырем изданиям этой книги. Специальной благодарности и памяти заслуживает безвременно ушедший академик В.Н. Кудрявцев, чья зримая и незримая поддержка позволила мне заниматься проблемами девиантности еще в годы советской власти, когда сама тема была «чужда» советскому народу...

Трудно переоценить значение неоднократно предоставляемой мне возможности работать в Max–Planck–Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (г. Фрайбург, Германия), чья прекрасная библиотека и исключительно доброжелательная атмосфера позволяют ознакомиться с последними достижениями мировой криминологии и социологии девиантности. И в это издание включены идеи и выдержки из англоязычных трудов последних лет, с которыми автор смог познакомиться в библиотеке Института в 2012, 2016, 2017 гг., благодаря любезному согласию его директора проф. Х.–Й. Альбрехта.

Остается добавить, что это — четвертое — издание, сохраняя основной текст трех предыдущих, существенно дополнено новыми фактами, статистическими данными, анализом новых литературных источников при удалении устаревших сведений и представлений.

[26] Цит. по: Импакт. Наука и общество. 1986. No1. С. 55.

ЧАСТЬ I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В этой части предпринята попытка раскрыть теоретические основы социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) как отрасли социологических знаний. Эта задача осложняется тем, что девиантология — весьма юная особа и не всеми в научном мире воспринимается как вполне зрелое и самостоятельное существо.

Остановимся также на основных методологических предпосылках изучения девиантности и методах эмпирических исследований девиантных проявлений. Наконец, в этой части будут продемонстрированы некоторые закономерности девиантного поведения, выявленные в результате отечественных исследований.

Глава 1. Социология девиантности и социального контроля (девиантология): предмет, основные понятия, место в системе наук

Каждое высказанное мною
суждение надо понимать не
как утверждение, а как вопрос
Н. Бор

§ 1. Первое знакомство с предметом

Во все времена общество пыталось устранять нежелательные для него проявления человеческой жизнедеятельности, отклоняющиеся от принятых в данном обществе правил (норм), путем воздействия на носителей этих проявлений. Методы и средства воздействия определялись социально–экономическими отношениями, общественным сознанием, идеологией господствующих

в обществе сил (государства, классов, церкви), обычаями и традициями.

Время от времени создавались пособия и методики, помогающие выявлять, распознавать *их*, дабы своевременно уничтожить или изолировать во спасение здоровых членов общества — *нас*. Так, в 1487 г. доминиканцами Г. Институрисом и Я. Шпренгером был создан печально знаменитый трактат «Молот ведьм» (лат. Malleus Maleficarum) — своеобразное пособие по охоте за ведьмами и уничтожению несчастных.

А вот рекомендации прогрессивного для своего времени «Саксонского зерцала» (XIII век): «Вора надо повесить... Всех тайных убийц и тех, которые ограбят плуг[27], или мельницу, или церковь, или кладбище, а также изменников и тайных поджигателей, или тех, которые выполняют чужое поручение в своих корыстных целях, — их всех следует колесовать... Кто убьет кого–нибудь, или (незаконно) возьмет под стражу, или ограбит, или подожжет... или изнасилует девушку или женщину, или нарушит мир, или будет застигнут в нарушении супружеской верности, тем следует отрубить голову... Христианина — мужчину или женщину, — если он еретик, и того кто имеет дело с волшебством или с отравлениями... следует подвергнуть сожжению на костре»[28]...

В XIX в. выходит книга Ч. Ломброзо «Преступный человек» (1876), дававшая обобщенный «портрет» преступника (сплющенный нос, редкая борода, низкий лоб, огромные челюсти, высокие скулы, приросшие мочки ушей...), а также портреты различных типов преступников — убийцы, насильника, вора, поджигателя и прочих. Оставалось только «опознать» их и — принять меры...

Постепенно закрадывавшееся сомнение в эффективности наказания, репрессии привело к мысли о приоритетах превенции, предупреждения преступности и иных проявлений девиантности[29]. Идея профилактики нежелательных для общества явлений была значительным шагом вперед по сравнению с концепциями мести, воздаяния, подавления. Однако, во–первых, провозглашаемый примат профилактики отнюдь не исключал репрессий, и зачастую очень жестоких. Во–вторых, благие идеи

---

[27] Выпрягут и украдут лошадей или волов из плуга.
[28] Саксонское зерцало. — М.: Наука, 1985. С.54–55.
[29] Монтескье Ш. Избранные произведения. — М.: Госполитиздат, 1955. С.231.

превенции оставались практически не реализуемы или слабо реализуемы. И что самое главное: с первых шагов человечества и до сегодняшнего дня люди весьма негативно реагируют на всех, кто «не такой, как все», не такой, как «мы», так что в темницу, на виселицу или костер могли угодить не только Джек–Потрошитель и Ванька–Каин, но и Джордано Бруно, Мигель Сервет, Ян Гус, Галилео Галилей, Ф. Достоевский...

Известный российский криминолог А.М. Яковлев пишет: «идея качественного, существенного отличия преступника от остальных людей, персонификация зла, меняя свое обличье, остается одной из самых устойчивых социально–психологических категорий»[30]. Этот далеко не безобидный социально–психологический феномен ведет начало от фундаментального исторически сложившегося противопоставления «мы» и «они»[31]. «Они» — это все, кто не «мы», это — «чужие», а, следовательно, подозрительные, таящие угрозу. Так, младенец может заплакать, увидев чужого (не «своего»). Ребенок, видя на экране телевизора сражающихся, интересуется: «Это — наши или... (фашисты, немцы, белые...)?». В годы советской власти тоталитарный режим пытался всех делить на «нас» и «буржуев», «нас» и «врагов народа», на «советский народ» и «чуждых советскому народу»... Отсюда же поиск «козлов отпущения», виновных в голоде и чуме, недороде и засухе, войне и поражении. «Козлом отпущения» могут стать мужчины для женщин (и наоборот), молодые для пожилых (и наоборот), «инородцы» или «лимитчики» для коренного населения, «лица кавказской национальности» (хотя таковой в природе не существует), наркоманы, проститутки, гомосексуалисты для морализирующих обывателей и главарей тоталитарных режимов, «сионисты» и «неверные» (последние для мусульман), и т.д., и т.п., и несть им числа. «Козел отпущения» позволяет «все социальные беды, несчастья и просчеты, конфликты и противоречия общества... объяснить моральными пороками, злой волей определенной категории людей. Козел отпущения меняет свое обличье, но его функция

[30] Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. — М.: Наука, 1985. С.27.

[31] См.: Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. — М.: Наука, 1966. С.78–84.

воспроизводится вновь»[32]. И мы вновь и вновь, ничему не научившись, ищем и ищем виновных... И еще: чем благополучнее общество, чем выше его *респонсивность* (А. Этциони) — способность удовлетворять потребности членов общества, — тем меньше нужда в «козле отпущения», тем терпимее граждане, тем меньше нежелательных отклонений.

Если раньше «им», «чужим» грозили кулаком, палкой, копьем, топором (в том числе палача), то сегодня угрожают не только тюрьмой и электрическим стулом, но и танками, авиацией, баллистическими ракетами, оружием массового поражения. И хотя сторонники расширения оснований уголовной ответственности, усиления репрессий, увеличения сроков лишения свободы, сохранения смертной казни, восстановления каторги, конечно же против войны (разве что «точечные удары» или «восстановление конституционного порядка»...) и исходят из самых благих намерений — «ликвидировать» преступность (или — проституцию, распространение и потребление наркотиков, сексуальные «извращения») — все же есть нечто общее у всех борцов с «ними», не такими как «мы»: уверенность в своей правоте, в знании «что такое хорошо, и что такое плохо» и прочная убежденность в возможности «простых решений» сложнейших социальных проблем — с помощью запрета, силы и репрессий.

Очень ценю строчки А. Галича:

Не бойся тюрьмы, не бойся сумы,
Не бойся мора и глада,
А бойся единственно только того,
Кто скажет: «я знаю, как надо»!

Проблемы социального «зла» всегда привлекали ученых. Философы и юристы, медики и педагоги, психологи и биологи — каждый с позиций своей науки изучали и оценивали различные нежелательные явления, «отклонения» — преступность, пьянство и алкоголизм, наркотизм, самоубийства, проституцию, гомосексуализм и иные сексуальные «отклонения» и т.п. При этом, однако, отсутствовал общий подход, позволяющий

[32] Яковлев А.М., 1985. Указ. соч. С.36. См. также: Mellema G. Scapegoats // Criminal Justice Ethics, 2000. Vol.19, № 1, pp. 3–9.

объяснить казалось бы различные феномены социального бытия как проявления некоторых общих его закономерностей.

Если криминология ведет отсчет от XVIII века (Ч. Беккариа и др.), то *девиантология*, как социология девиантности, девиантного поведения — совсем молодая наука. Даже если к числу первых фундаментальных трудов в этой области знаний отнести книгу Э. Дюркгейма «Самоубийство: Социологический этюд», то, во–первых, это самый конец XIX века (1897 г.). А, во–вторых, это все же не концепция девиантности в целом как сложного социального феномена. Скорее всего, девиантология — детище второй половины XX столетия. Именно после Второй мировой войны появились девиантологические работы R. Akers (1985), N. Ben–Yehuda (1990), D. Downes and P. Rock (1988), E. Goode (1949), E. Goode and N. Ben–Yehuda (1994), P. Higgins and R. Butler (1982), T. Hirschi (1969), S. Lamnek (1990), Lemert E. (1951), A. Liazos (1972), A. Liska (1987), S. Palmer and J. Humphery (1990), E. Pfuhl and S. Henry (1993), A. Podgórecki (1969), E. Schur (1971), C. Sumner (1994), S. Traub and C. Little (1975), P. Wilson and J. Braithwaite (1978), и др.

С 1979 г. начал выходить международный журнал «*Deviant Behavior*». И только в 2001 г. появляется первая четырехтомная энциклопедия: Bryant C. (Editor–in–Chief). Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Historical, Conceptual, and Theoretical Issues. К 1970–ым годам относятся и первые отечественные статьи по девиантологии[33]. Только тогда нельзя было употреблять иностранные слова («поклонение перед Западом»!), так что статьи были посвящены «отклоняющемуся поведению» («социальным отклонениям»), а не девиантному.

Почему двадцатый век породил интерес к таким общественным формам жизнедеятельности, которые не соответствовали представлению о «правильном», «нормальном», допустимом? В недрах западной цивилизации, основанной, так или иначе, на христианских ценностях, заповедях и миропорядке (будь то католицизм, протестантизм или же православие), вызревают силы,

[33] Помимо названных выше авторских работ 1971 года — Гилинский Я.И. Отклоняющееся поведение — объект правового воздействия // Человек и общество. Вып. XII. — Л.: ЛГУ, 1973. С.144–156; Отклоняющееся поведение молодежи. Сборник статей. — Таллин, 1979.

«чуждые» этому миропорядку и его нравственности. Страны западного мира, независимо от уровня экономического развития и общественнополитического устройства, сотрясаются более или менее мощными движениями и катаклизмами. «Горячее лето 1968–го», «сексуальная революция», левый и правый экстремизм, терроризм, фундаментализм, антиглобализм, национализм, неофашизм... Формируются все новые субкультуры, протестные по отношению к пока еще господствующей в обществе культуре: наркотическая, делинквентная, сектантские, криминальная, включая организованную преступность.

Неэффективность привычных форм социального контроля характерна не только в отношении преступности, но и всех других форм *девиантности* — вооруженных конфликтов, наркотизма, пьянства и алкоголизма, коррупции, терроризма, проституции, подростковой делинквентности и др.[34]

Становление социологии как науки об обществе, его структуре и функционировании сопровождалось исследованием и негативных, нежелательных, нарушающих общественный порядок явлений. Их изучению отдали дань Г. Тард и Э. Дюркгейм, А. Кетле и Г. Зиммель, П. Сорокин и Р. Мертон.

Написаны тысячи томов (в основном — за рубежом), посвященных социальным девиациям, девиантности, девиантному поведению, но... до сих пор не совсем ясно, что же это такое. На протяжении всей книги будут подробнее изложены авторский взгляд на природу, содержание, генезис девиантности. Сейчас же в целях лучшего понимания дальнейшего материала попытаемся составить некоторое предварительное представление о рассматриваемом предмете.

§ 2. Основные понятия девиантологии

Задача, обозначенная в названии этого параграфа, не столь проста. В зарубежной и отечественной литературе не очень строго употребляются близкие по значению термины, пытающиеся обозначать интересующий нас предмет: девиантное (отклоняющееся) поведение, девиации (отклонения), девиантность.

---

[34] Социальный контроль над девиантностью в современной России / ред. Я. Гилинский. — СПб.: СПб Ф ИСРАН, БИЭПП, 1998.

А еще можно встретиться и с «патологией», и с «отклоненным поведением»[35], и с «асоциальным» или «антисоциальным поведением». В психологии и психиатрии этот набор терминов дополняется «депривацией», «перверсией» и др. При этом отсутствуют более или менее принятые (общепринятые) определения этих понятий.

Это не удивительно. Во–первых, социология девиантности и социального контроля относительно молодая наука, понятийный аппарат которой находится в развитии. Так, David Downes и Paul Rock отмечают в книге 1998 г., что социология девиантности активно развивается лишь последние десятилетия, причем результаты оказываются весьма спорными, дискуссионными. Лишь в 90–е годы XX в. социология девиантности начинает походить на «нормальную науку». Социология девиантности, с их точки зрения, до сих пор не устоявшаяся (*coherent* — последовательная, связная) наука, а собрание относительно независимых социологических версий[36].

Во–вторых, даже в очень древних науках спор о понятиях и их определениях нередко длится веками.

В–третьих, чрезвычайная сложность социальных явлений, их изменчивость, многоликость не облегчают задачу «ухватить» какой–то срез, сторону, момент социальной реальности и зафиксировать его в определении.

Наконец, в–четвертых, ни одно определение в принципе не может быть «единственно верным» и «окончательным». Вместе с тем, нельзя продолжать исследование темы, не попытавшись договориться о словах — понятиях, определениях, описывающих изучаемый предмет.

До поры до времени наиболее распространенным в девиантологии был термин «девиантное поведение» (deviant behavior).

Девиантное или отклоняющееся (лат. deviatio — отклонение) поведение всегда связано с каким–либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности — распространенным в обществе или его группах ценностям, правилам

---

[35] Например: Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения. — Хельсинки: Центр обучения тюремных служащих, 1994.

[36] Downes D., Rock P. Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule–Breaking. Third edition. — Oxford University Press, 1998, pp. VII, 1.

(нормам) и стереотипам поведения, ожиданиям, установкам. Это может быть не только нарушение формальных (правовых) или неформальных (мораль, обычаи, традиции, мода) норм, но и «девиантный» образ жизни, «девиантный» стиль поведения, не соответствующие принятым в данном обществе, среде, группе.

Бесчисленное множество проявлений девиантного поведения; зависимость оценки поведения как «нормального» или же «отклоняющегося» от ценностей, норм, ожиданий (экспектаций) общества, группы, субкультуры; изменчивость оценок со временем; конфликт оценок различных групп, в которые входят люди; наконец, субъективные представления исследователей (девиантологов) — все это крайне затрудняет выработку более или менее устойчивых и однотипных определений девиантного поведения.

Приведем лишь некоторые примеры.

Так, по мнению А. Коэна (A. Cohen), девиантное поведение — это «такое поведение, которое идет вразрез с институционализированными ожиданиями, то есть с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы»[37]. E. Good считает, что девиантность это «поведение, которое некоторые люди в обществе находят оскорбительным (обидным, неприятным) и которое вызывает — или может вызывать в случае обнаружения — неодобрение, наказание или враждебность по отношению к субъектам такого поведения»[38]. Девиантным называют поведение, которое не соответствует нормам и ролям. При этом одни социологи в качестве точки отсчета («нормы») используют ожидания (экспектации) соответствующего поведения, а другие — эталоны, образцы поведения[39]. Некоторые полагают, что девиантными могут быть не только действия, но и идеи, взгляды[40]. Девиантное поведение нередко связывают с реакцией общества на него и тогда определяют девиацию как «отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание

---

[37] Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения. В: Социология сегодня. — М.: Прогресс, 1965. С.520–521.

[38] Goode E. Deviant Behavior. Second Edition. — New Jersey: Englewood Cliffs, 1984, p.17.

[39] Palmer S., Humphery J. Deviant Behavior: Patterns, Source and Control. — NY–L: Plenum Press, 1990, p.3.

[40] Higgins P., Butler R., 1982. Ibid. p.2.

нарушителя»[41]. Предлагается и такое понимание девиантного поведения: это необычное поведение нормальных людей; или обычное поведение нормальных людей в необычных ролях; или обычное поведение нормальных людей в ненормальных ситуациях; или нормальное поведение людей, нарушающих неразумные (ненормальные) правила (нормы); или обычный результат неравных возможностей соответствовать правилам; или обычный результат девиантного обучения; или обычный результат дефектных социальных связей[42].

Исходя из этих, самых общих представлений, можно предложить следующее определение: девиантное поведение (deviant behavior) — это поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.

При этом под «официально установленными» понимаются формальные, правовые нормы, а под фактически сложившимися — нормы морали, обычаи, традиции.

Первоначально приходилось оговаривать (или понимать из контекста) в каком смысле употребляется выражение «девиантное поведение»: как характеристика индивидуального поведенческого акта или же как социальный феномен. Позднее для обозначения последнего стали применять термины «девиация» («отклонение»), «девиантность» или же «социальная девиация» («социальное отклонение»). В качестве сложного социального явления девиации определяются как «такие нарушения социальных норм, которые характеризуются определенной массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных социальных условиях»[43].

В английском языке, на котором написано большинство мировой девиантологической литературы, для характеристики соответствующего социального явления, свойства общества порождать «отклонения», обычно употребляется слово *deviance* — девиантность («отклоняемость», хотя по– русски это «не звучит»).

---

[41] Смелзер Н. Социология. — М.: Феникс, 1994. С.203.

[42] Tepperman L. Deviance, Crime, and Control. Beyond the Straight and Narrow. Second Edition. — Oxford University Press, 2010, p. XIII.

[43] Социальные отклонения, 1989. Указ. соч. С. 95.

Вот некоторые определения девиантности (deviance): «отличие от норм или от приемлемых (допустимых, принимаемых) стандартов общества», «некоторое поведение или физическое проявление, социально вызывающее и осуждаемое, поскольку отклоняется от норм и ожиданий группы»[44]. И еще: «Девиантность — фундаментальный отказ повиноваться групповым правилам и нормам»[45].

Современная «Энциклопедия криминологии и девиантного поведения» (2001 г.) различает три основных подхода в определении девиантности: девиантность как поведение, нарушающее нормы (R. Akers, M. Clinard, R. Meier, A. Liska, A. Thio); девиантность как «реагирующая конструкция» (D. Black, H. Becker, K. Erickson, E. Goode); девиантность как нарушение прав человека (H. Schwendinger, J. Schwendinger)[46]. Если первый и третий из этих подходов не нуждаются в комментариях, то на втором следует остановиться подробнее.

Со второй половины XX столетия в социологии все настойчивее формируется «конструктивистский» подход ко многим социальным реалиям[47]. Оказывается, значительное количество социальных институтов и феноменов («фактов») не столько существуют объективно, *per se, sui generis,* сколько искусственно «сконструированы». Такие понятия, как «преступность», «организованная преступность», «наркотизм», «коррупция», «терроризм», «проституция» и множество других — суть социальные «конструкты»[48].

---

[44] McCaghy Ch., Carpon T. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Third edition. — Macmillan College Publishing Company, Inc., 1994. p.2. См. также: McCaghy Ch., Carpon T., Jamicson J. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Fifth Edition. — Allyn and Bacon, 2000, p.4.

[45] Dotter D. Creating Deviance. An International Approach. — Alta Mira Press, 2004, p. 3.

[46] Bryant C. (Editor–in–Chief). Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol.1. Historical, Conceptual, and Theoretical Issues. — Brunner–Routledge, 2001. pp. 88–92.

[47] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М.: Медиум, 1995.

[48] Подробнее см.: Гилинский Я. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4–е изд. — СПб: Алеф–Пресс, 2018. С.32–39; Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. — СПб: ДЕАН, 2011; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. — Казань, 2004; Gregoriou Ch. (Ed.) Constructing Crime. Discourse and Cultural Representations of Crime and «Deviance». — Palgrave Macmillan, 2012.

Объективистский взгляд на социальные реалии как конструкции не случаен и имеет глубинные философские и методологические основы. В эпистемологических дискуссиях «на сегодняшний день обозначились тенденции к развитию конструктивистских концепций, которые отказываются от идеалистического или трансцендентального (и в этом смысле субъективного) обоснования. Вместо этого они предполагают наличие вполне реальных систем, которые ориентируются и должны ориентироваться в наблюдении на собственные конструкции, поскольку не имеют собственного доступа к окружающему миру, внешней среде (Umwelt)»[49].

Взгляд на девиантность и ее различные проявления как определенные конструкты, «изготовленные» в процессе реагирования общества на нежелательные виды поведения, преобладает в современной социологии девиантности и является, с моей точки зрения, весьма продуктивным. Процесс конструирования девиаций (с помощью политических решений, статистики, средств массовой информации — СМИ и др.) подробно описан во многих трудах[50]. Роли СМИ в процессе конструирования девиаций посвящен раздел «Медиа и конструкция преступлений и девиантности» в сборнике статей «Социология преступности и девиантности»[51]. По мнению известных немецких криминологов H. Hess и S. Scheerer, преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность — социальный и языковый конструкт[52]. Как происходит конструирование одной из современных разновидностей преступности — «преступлений ненависти» («Hate Crimes»),

---

[49] Luhmann N. Die Wissenschaft die Gesellschaft. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1996. S.2.

[50] Curra J. The Relativity of Deviance. — SAGE Publications, Inc., 2000; Goode E., Ben–Yehuda N. Moral Panics: the Social construction of Deviance. — Blackwell Publishers, 1994; Petrovec D. Violence in the Media. –Ljubljana: Mirovni Inštitut, 2003; Pfuhl E., Henry S. The Deviance Process. Third Edition. — NY: Aldine de Gruyter, 1993.

[51] Caffrey S., Mundy G. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance: Selected Issues. — Greenwich University Press, 1995.

[52] Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

т.е. преступных посягательств против «ненавистных» меньшинств (афро–, испано–, арабо– и азиатоамериканцев, евреев, геев, лесбиянок и т.п.), исследовано в книге американских криминологов[53]. В этом конструировании (««Hate Crime» is a social construct») принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Процесс конструирования «коррупции» показан в диссертационном исследовании И. Кузнецова[54]. Цитированный выше Д. Доттер так лаконично определяет конструирование девиантности и девиаций: «Создание (конструирование) девиантности: социальное определение и процесс взаимодействия»[55].

Так вот, сторонники понимания девиантности как «реагирующей конструкции» исходят из того, что общество и государство, считая необходимым реагировать на те или иные социально значимые поведенческие формы, конструируют вид очередного «козла отпущения» — «мафия», «наркотизм», «гомосексуализм», «коррупция», «терроризм» и т.п.

Конечно, за этими «этикетками» скрываются некие объективные реалии, формы человеческой жизнедеятельности и их носители, субъекты действий[56]. Но общественная или государственная оценка этих проявлений девиантности, само отнесение определенных форм деятельности к девиантным — результат сознательной работы властных, идеологических институтов, формирующих общественное сознание. Значительная роль в такой «конструкторской» деятельности принадлежит политическому режиму[57]. Рассмотрим это на примере «девиантизации» некоторых явлений политическим режимом советского государства.

После октября 1917 г. новая российская власть, для утверждения которой немало сделала демократическая, революционно настроенная студенческая молодежь и интеллигенция, пыталась какое–то время сохранить имидж прогрессивности,

---

53 Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. — Oxford University Press, 1998.

54 Кузнецов И.Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование. Дисс.. .канд. социологических наук. — СПб ГУ, 2000.

55 Dotter D. Ibid., p. 83.

56 См.: Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории. В: Теория и общество: Фундаментальные проблемы. — М.: Канон–Пресс–Ц, 1999. С. 292–306.

57 Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. — СПб: Юридический центр Пресс, 2001. С.39–65.

либерализма, демократичности. В Руководящих началах 1919 г. и в первом Уголовном кодексе (УК) 1922 г. наказание признавалось мерой «оборонительной», санкции были не очень строгие, в УК РСФСР 1926 г. термин наказание был заменен «мерами социальной защиты». Тюрьмы пытались заменить трудовыми лагерями (что нередко творилось на практике — другое дело). Руководство страны и его идеологическое обеспечение на первых порах отнеслись либерально–аболиционистски к тому, что позднее, при сталинском тоталитарном режиме, трактовалось как явления чуждые и враждебные советскому народу.

Так, в 1920–е годы вполне терпимо воспринимали проституцию. Меры социального контроля сводились в основном к попыткам реабилитации женщин, вовлекаемых в сексуальную коммерцию, путем привлечения их к труду и повышения образовательного и профессионального уровня. В декабре 1917 г. была отменена уголовная ответственность за гомосексуальную связь, не предусматривалась уголовная ответственность за гомосексуализм и в Уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. В первом издании Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) 1930 г. говорилось: «Понимая неправильность развития гомосексуалиста, общество не возлагает и не может возлагать вину... на носителей этих особенностей... Наше общество... создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов были возможно безболезненнее»[58]. До мая 1928 г. не было запрета на оборот наркотиков. Фактически существовало индифферентное отношение к наркопотреблению и наркотизму как социальному явлению.

С постепенным утверждением в стране тоталитарного режима принципиально меняется отношение ко всем «пережиткам капитализма», «чуждым советскому народу». В 1930–е годы сворачивается система социальной реабилитации женщин, занимавшихся проституцией, на смену приходит репрессивная политика по отношению к ним. Резко меняется отношение к гомосексуализму. В 1934 г. вводится уголовная ответственность за мужской гомосексуализм (с наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет). В 1936 г. народный комиссар юстиции РСФСР Н. Крыленко сравнил гомосексуалистов с фашистами и

[58] Большая Советская Энциклопедия. 1–е изд. — М., 1930. Т. 17. С. 594–598.

иными врагами большевистского строя (надо ли напоминать, что в гитлеровской фашистской Германии гомосексуалистов уничтожали физически). Во втором издании БСЭ мы можем прочитать: «В советском обществе с его здоровой нравственностью гомосексуализм как половое извращение считается позорным и преступным... В буржуазных странах, где гомосексуализм представляет собой выражение морального разложения правящих классов, гомосексуализм фактически ненаказуем»[59]. В 1934 г. устанавливается уголовная ответственность за посевы опийного мака и индийской конопли. Из приведенных примеров наглядно видно, как режим конструирует различные виды девиантности и преступности. Или — создает «козлов отпущения», на которых так удобно списывать просчеты и неудачи собственной социальной политики.

Учитывая сказанное, можно предложить следующее определение: социальные девиации, девиантность (deviance) — это социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям.

Разумеется, предлагаемые определения (и девиантного поведения, и девиантности, равно как и во всех последующих случаях) — лишь одни из многих возможных. Они страдают всеми грехами определений, но могут служить неким посохом в наших дальнейших странствиях в мире социальных отклонений.

Встречающиеся в литературе термины «асоциальное» и «антисоциальное поведение» не точны хотя бы потому, что девиантное поведение столь же социально, сколь и «нормальное». «Отклоненное поведение» вызывает вопрос: кем? кто же его отклонил? Термин «патология» («социальная патология»), как нам кажется, так же неудачен. Слово «патология» происходит от греческих πατοσ — страдание и λογοσ — слово, учение, и в буквальном смысле означает науку о болезненных процессах в организме живых существ (человека и животного). В переносном, этимологически неточном смысле, патология это — болезненные нарушения строения, функционирования или развития каких–либо

[59] Большая Советская Энциклопедия. 2–е изд. — М., 1952. Т. 12. С. 35.

органов или проявлений живых организмов (патология сердца, патология желудка, патология умственного развития). Перенос медицинского (анатомического, физиологического) термина в социальную сферу двусмыслен и несет «биологическую» нагрузку, «биологизирует» социальную проблему. Кроме того, даже в медицине, откуда пришел этот термин, понятия нормы и патологии дискуссионны. И.П. Павлов, И.В. Давыдовский рассматривали болезнь как вариант нормы. Давыдовский писал: «Так называемые патологические процессы и болезни — это всего лишь особенности приспособительных процессов»[60]. Наконец, как мы увидим ниже, девиации могут быть полезны, прогрессивны, тогда как термин «патология» воспринимается как нечто отрицательное, нежелательное.

Сказанное не исключает положительной оценки трудов, использующих слово «болезни» при анализе негативных девиантных проявлений[61].

Исходным для понимания отклонений является понятие *нормы*. В теории организации сложилось наиболее общее — для естественных и общественных наук — понимание нормы как пределов, меры допустимого. Это такие характеристики, «границы» свойств, параметров системы, при которых она сохраняется (не разрушается) и может развиваться. Для физических и биологических систем это допустимые пределы структурных и функциональных изменений, при которых обеспечивается сохранность и развитие системы. Это — естественная, адаптивная норма, отражающая закономерности существования системы. Так, биологическая система существует при определенных «нормативах» температуры тела (для человека от +36° до +37°С), артериального давления (для человека 120/80 мм ртутного столба), водного баланса и т.п. Социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций. В отличие от естественных норм протекания физических

---

[60] Давыдовский И.В. Проблемы причинности в медицине: (Этиология). — М: Медгиз, 1962. С. 75.

[61] Ольков С.Г. Общественные болезни. — Тюмень, 1996; Рывкина И.В. Социальные болезни современной России (Публицистическое исследование). — М., 2011.

и биологических процессов, социальные нормы складываются (конструируются!) как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества. Поэтому социальная норма может либо соответствовать законам общественного развития (и тогда она является «естественной»), либо отражать их неполно, неадекватно, являясь продуктом искаженного (идеологизированного, политизированного, мифологизированного, религиозного) отражения объективных закономерностей. И тогда оказывается анормальной сама «норма», «нормальны» же (адаптивны) отклонения от нее.

Существует немало классификаций социальных норм по разным основаниям. Одна из возможных классификаций предлагается и обосновывается Т. Шипуновой[62].

Принципиальным для всех последующих рассуждений, для понимания социальных отклонений, девиантности и предмета девиантологии как науки является осознание относительности, релятивности социальной «нормы» и социальных «отклонений». В природе, в реальной социальной действительности не существует явлений, видов деятельности, форм поведения «нормальных» или же «девиантных» по своей природе, по содержанию, *sui generis*. Те или иные виды, формы, образцы поведения «нормальны» или «девиантны» только с точки зрения сложившихся (установленных) социальных норм в данном обществе в данное время («здесь и сейчас»). «Что считать отклонением, зависит от времени и места; поведение «нормальное» при одном наборе культурных установок, будет расценено как «отклоняющееся» при другом»[63]. Относительность (релятивность) девиантности и девиантность как социальный конструкт подробно обосновываются в книге J. Curra[64].

Нет ни одного поведенческого акта, который был бы «девиантен» сам по себе, по своему содержанию, независимо от социального контекста. Так, «преступное» употребление наркотиков, в частности производных каннабиса, было допустимо,

---

[62] Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. — СПб ГУ, 2003. С. 20–35.

[63] Гидденс Э. Социология. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 150.

[64] Curra J. The Relativity of Deviance. — SAGE Publications, Inc., 2000.

«нормально», легально во многих азиатских странах, да и в современных Бельгии, Нидерландах, Чехии, Грузии, Канаде, некоторых штатах США, и др.; широко распространенное «законное» потребление алкоголя — незаконно, преступно в странах мусульманского мира; легальное сегодня курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Испании; умышленное причинение смерти (убийство) — тягчайшее преступление, но и... подвиг в отношении противника на войне или же профессиональная деятельность (палача).

С моей точки зрения, вся жизнь человека есть ни что иное, как онтологически нерасчлененный процесс жизнедеятельности по удовлетворению своих потребностей. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы — есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей «здесь и сейчас» (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Бельгии, Нидерландах и ряде других стран, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба и т.д.). Иначе говоря, жизнедеятельность человека — пламя, огонь, некоторые языки которого признаются — обоснованно или не очень — опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (при нарушении правовых запретов).

Эти примеры можно умножать до бесконечности. Важно помнить: когда девиантология изучает девиантность и девиантное поведение, речь всегда должна идти о конкретном обществе, конкретной нормативной системе и об отклонениях от действующих в данном обществе норм — не более. В другом обществе, в другое время рассматриваемая «девиантность» может не быть таковой.

Более того, социальные девиации и девиантное поведение могут иметь для системы (общества) двоякое значение. Одни из них — *позитивные* — выполняют негэнтропийную функцию, служат средством (механизмом) развития системы, повышения уровня ее организованности, устраняя устаревшие стандарты поведения. Это — социальное творчество во всех его ипостасях

(техническое, научное, художественное и др.)[65]. Другие же — *негативные* — дисфункциональны, дезорганизуют систему, повышают ее энтропию. Это преступность, наркотизм, коррупция, терроризм и др.

Однако, во–первых, границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов. Во–вторых, в одном и том же обществе сосуществуют различные нормативные субкультуры (от научного сообщества и художественной богемы до преступных сообществ и субкультуры наркоманов). Это надо хорошо понимать в условиях *фрагментаризации* общества в эпоху постмодерна[66]. И то, что «нормально» для одного из фрагмента (субкультуры) — «девиантно» для другого или для общества в целом. В–третьих, «а судьи — кто»? Кто и по каким критериям вправе оценивать «позитивность — негативность» социальных девиаций? Равно как и «нормальность — анормальность».

И, наконец, самое главное: организация и дезорганизация, «норма» и «аномалия» (отклонение), энтропия (мера хаотичности, неупорядоченности) и негэнтропия (мера организованности, упорядочения) *дополнительны* (в понимании Н. Бора). Их сосуществование неизбежно, они неразрывно связаны между собой, и только совместное их изучение способно объяснить исследуемые процессы. «Порядок и беспорядок сосуществуют как два аспекта одного целого и дают нам различное видение мира»[67].

Более того, еще Тит Лукреций Кар провидчески писал о *clinamen* (отклонениях) как *conditio sine qua non* (необходимых условиях) развития, ибо, как говорил Лукреций о «телах изначальных» (атомах):

> Если ж, как капли дождя они вниз продолжали бы падать,
> Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
> То ни каких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,
> И ничего никогда породить не могла бы природа[68].

---

[65] Творчество как позитивная девиантность. / ред. Я. Гилинский и Н. Исаев. — СПб: Алеф–Пресс, 2015.

[66] См.: Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. Указ. соч.

[67] Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.

[68] Лукреций. О природе вещей. — М.: Наука, 1958. С.68.

И здесь мы подходим к теме чрезвычайной важности для последующего изложения. *Девиации присущи всем уровням и формам организации мироздания.* В современной физике и химии отклонения обычно именуются *флуктуациями*, в биологии — *мутациями*, на долю социологии и психологии выпали *девиации*.

Существование каждой системы (физической, биологической, социальной) есть динамическое состояние, единство процессов *сохранения* и *изменения*. *Девиации (флуктуации, мутации) служат механизмом изменчивости, а, следовательно, существования и развития каждой системы.* Без девиаций «ничего никогда породить не могла бы природа», а «порождения» природы не могут без девиаций изменяться (развиваться). Отсутствие девиаций системы означает ее не–существование, гибель («а на кладбище все спокойненько»).

Чем выше уровень организации (организованности) системы, тем динамичнее ее существование и тем большее значение приобретают *изменения как «средство» сохранения*. Неравновесность, неустойчивость становится источником упорядоченности (по И. Пригожину, «порядок через флуктуации»[69]). Так что для биологических и социальных систем характерен переход от гомеостаза (поддержание сохранения, стабилизированного состояния) к гомеорезу (поддержанию изменений, стабилизированному потоку)[70].

Поскольку существование и развитие социальных систем неразрывно связано с человеческой деятельностью, осуществляется через нее, постольку социальные девиации (девиантность социальных систем, обществ) реализуются, в конечном счете, через человеческую деятельность — девиантное поведение. В этом смысле *девиантность есть прорыв тотальной жизнедеятельности через (сквозь) социальную форму.*

Именно отклонения как всеобщая форма изменений обеспечивает «подвижное равновесие» (Ле–Шателье) или «устойчивое неравновесие» (Э. Бауэр) системы, ее сохранение, устойчивость через изменения. Другое дело, что само изменение может быть

---

[69] Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. — М.: Наука, 1986.

[70] См. статьи К. Уоддингтона и Р.Тома в: На пути к теоретической биологии: 1. Пролегомены. — М.: Мир, 1970.

эволюционно (развитие, совершенствование, повышение степени организованности, адаптивности) и инволюционно. Но поскольку все сущее конечно (смертно), постольку и инволюционные, энтропийные процессы закономерны и, увы, неизбежны.

Положение о позитивных девиациях дискуссионно в науке. Часть ученых разделяют мою позицию о наличии «симметрии» в отклонениях[71]. Другие — возражают, считая, что девиантность включает только негативные социальные явления[72]. В массовом сознании девиантность действительно связана обычно с негативными явлениями, поступками. Само слово «девиантность» приобрело негативный оттенок[73]. Так, «олимпийских золотых медалистов, которые конечно не нормальные люди, никогда не назовут девиантами, потому что они ненормальны скорее «правильно», чем «неправильно»»[74].

Однако бытовое, обыденное представление и научное, теоретическое понимание не всегда совпадают, да и не должны совпадать. Обоснование авторской точки зрения по поводу позитивных девиаций излагается во многих работах, а специально — в статье 1990 г. и в коллективной монографии 2015 г.[75].

Наконец, еще один сюжет из жизни девиаций. Мир устроен таким образом, что более или менее длительное существование тех или иных систем и процессов возможно лишь в случае их адаптивности и функциональности — выполнения определенных «ролей» в жизни других — более общих систем и процессов. Так, нервная система, мышцы, скелет, органы зрения, слуха, сердечно–сосудистая система выполняют определенные функции в системе «организм», а семья, государство, право, экономика, идеология, образование, здравоохранение выполняют

---

[71] Яковлев А.М. Социология преступности. — М.: МНЮИ, 2001. С. 56; Ben–Jehuda N. Positive and Negative Deviance: More Fuel for a Controversy // Deviant Behavior. 1990. Vol. 11. N 3; Higgins P., Butler R., 1982. Ibid. pp. 7–8, 10; Humphrey J. Deviant Behavior. — Pearson. Prentice Hall, 2006, pp. 296–317; Palmer S., Humphery J., 1990. Ibid. p. 7.

[72] Социальные отклонения. 1989. Указ. соч. С. 97–100.

[73] Bryant C. 2001. Ibid. Vol. 1, p. 88.

[74] Wilson P., Braithwaite J. (Eds.) Two Faces of Deviance. — University of Queensland Press, 1978, p. 1.

[75] Гилинский Я. Творчество — норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. N. 2. С. 41–49; Творчество как позитивная девиантность / ред. Я. Гилинский, Н. Исаев. — СПб: Алеф–Пресс, 2015.

определенные функции в системе «общество» (да простят меня коллеги за столь упрощенную трактовку, предпринятую в популяризаторских целях).

В процессе эволюционного отбора неадаптивные, нефункциональные системы, процессы, формы человеческой жизнедеятельности элиминируются (ликвидируются, отмирают). Сохраняющиеся же, очевидно, адаптивны, выполняют те или иные явные и/или латентные (Р. Мертон) функции. «Наличие, постоянное сохранение в обществе преступности невозможно без признания того, что и преступность выполняет определенную социальную функцию, служит формой либо регулятивной, либо адаптационной (приспособительной) реакции на общественные процессы, явления, институты»[76]. Более того, «Общество нуждается в преступности как двигателе социальных преобразований. Общество без существенных отклонений в поведении криминального характера застыло бы в своем развитии»[77]. Так вот, «вечность» преступности, потребления веществ, влияющих на центральную нервную систему (наркотики, алкоголь и др.), проституции (пока существуют товарно денежные отношения), коррупции, не говоря уже о позитивных девиациях — творчестве, свидетельствует о том, что все существующие проявления девиантности — функциональны, несут ту или иную социальную нагрузку, играют определенные социальные роли. Или, как выражался Гегель, «имеют основания», а потому — «все действительное разумно» (нормально!).

Проблема функций девиантности служит предметом научного обсуждения. Так, А.М. Яковлев исследует функции организованной экономической преступности: «обеспечить незаконным путем объективную потребность, не удовлетворяемую в должной мере нормальными социальными институтами»[78]. Преступные связи и отношения, элементы экономической преступности «возникают там и постольку, где и поскольку, объективная потребность в организации и координации экономической деятельности не получает адекватного отражения в организационной

---

[76] Яковлев А.М. Социология преступности. Указ. соч. С. 14.

[77] Кунц К.–Л. Введение в криминологическое мышление. — СПб: Алеф–Пресс, 2019. С. 245.

[78] Яковлев А.М. Социология экономической преступности. — М.: Наука, 1988. С. 21.

и нормативной структуре экономики как социального института»[79]. Функциональность «теневой экономики», включая нелегальное предпринимательство и коррупционные связи подробно исследуются в работах И. Клямкина, Л. Тимофеева, Т. Шанина и др.[80]. Анализу функции взятки, коррупции посвящены труды В. Рейсмена, Л. Тимофеева[81]. Коррупция, при всей ее разрушительной силе, выполняет ряд функций: упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, сокращение бюрократических барьеров и др.[82] В упоминавшейся книге S. Palmer и J. Humphery приводится перечень латентных функций девиантного поведения: интеграция группы; способствование установлению и прояснению морального кодекса (правил) общества; «отдушина» для агрессивных тенденций; «бегство» или безопасный «клапан»; предупредительный сигнал о неизбежных социальных изменениях; действенное средство социальных изменений; средство достижения и роста (упрочения) самоидентификации; а также иные функции[83]. Функциональность организованной преступности была мною рассмотрена в «Криминологии» (СПб, 2018). Функции наркотизма, потребления алкоголя, проституции будут рассмотрены в соответствующих главах части III настоящей книги.

§3. Девиантология: понятие, предмет, место в системе наук

В недрах социологии зародилась и сформировалась социология девиантного поведения как специальная (частная) социологическая теория, которая со временем получила более точное

---

[79] Яковлев А.М. Социология экономической преступности. — М.: Наука, 1988. С. 43.

[80] Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. — М.: РГГУ, 2000; Неформальная экономика. Россия и мир / ред. Т. Шанин. — М.: Логос, 1999.

[81] Рейсмен В.М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. — М.: Прогресс, 1988; Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки истории. — М.: РГГУ, 2000.

[82] Left N. Economic Development through Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist, 1964. VIII; Scott J. Comparative Political Corruption. — Englewood Cliffs, 1972.

[83] Palmer S., Humphery J., 1990. Ibid. pp. 12–15.

название — социология девиантности и социального контроля (именно под таким названием — *Deviance and Social Control* — функционирует 29–й исследовательский комитет Международной Социологической Ассоциации — ISA). Социология девиантности оказалась той научной дисциплиной, отраслью социологии, которая претендует на изучение и объяснение самых различных проявлений «социального зла». И не только «зла», как мы видели выше.

Пожалуй, основной недостаток названия «социология девиантности и социального контроля» (sociology of deviance and social control) — многословие. Кроме того, девиантность и девиантное поведение изучаются и в рамках естественных наук — биологии, психологии. Наконец, как будет показано ниже, девиации присущи всем уровням организации материи. Поэтому мною введен в научный оборот новый термин — «девиантология».

Девиантология (deviantology) — это наука, изучающая социальные девиации (девиантность) и реакцию общества на них (социальный контроль).

Достоинство этого названия — его краткость. К тому же этот термин вполне отвечает принципу наименования научных дисциплин и отраслей науки по формуле: обозначение предмета + «логия» (от греч. λογος — слово, учение), например, антропология, биология, геология, зоология, криминология и т.п. Девиантология учитывает интересы и других наук, а ряд девиаций изучается комплексными естественно–общественными дисциплинами (самоубийства — суицидологией, пьянство и наркотизм — наркологией). Разумеется, возможны и возражения против предлагаемого термина. Основное из них — непривычность, отсутствие соответствующей научной традиции. Однако, любой термин, любое понятие когда–то употреблялось впервые. Насколько жизненным окажется «девиантология» как термин (научное направление существует и развивается) — покажет будущее[84].

[84] Заметим, что в 2001 г. вышли книги Е.В. Змановской «Девиантология: психология отклоняющегося поведения» (СПб.) и А.Г. Тюрикова «Военная девиантология: Теория, методология, библиография» (М.), в 2007 г. — книга под редакцией Ю.А. Клейберга «Девиантология. Хрестоматия» (СПб), а в октябре 2003 г. в Тюмени состоялась научная конференция на тему «Девиантология в России: история и современность».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

ЧАСТЬ I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ 15

Глава 1. Социология девиантности и социального контроля (девиантология): предмет, основные понятия, место в системе наук 15

§ 1. Первое знакомство с предметом 15

§ 2. Основные понятия девиантологии 20

§3. Девиантология: понятие, предмет, место в системе наук 36

Глава 2. Методология и методика 41

§1. Методология научного познания 41

§2. О методах эмпирических исследований в девиантологии 47

Глава 3. Некоторые закономерности девиантных проявлений .. 55

ЧАСТЬ II. ОБЪЯСНЕНИЕ ДЕВИАНТНОСТИ И ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ 61

Глава 4. История девиантологической мысли 64

§1. Зарождение девиантологических идей 64

§2. Классическая школа уголовного права и криминологии 69

§3. Позитивизм в философии, науке, социологии 71

Биологическое (антропологическое) направление 72

Психологическое направление 77

Социологическое направление 82

§4. Современные девиантологические теории. Постмодернизм 110

Глава 5. История социологии девиантности в России 130

§1. Социологические исследования отдельных проявлений девиантного поведения 131

§2. Становление отечественной социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) как специальной социологической теории 165

§ 3. Возможные перспективы 172

Глава 6. Генезис девиантности 175
§1. Общие основания объяснения девиантности 175
§2. Место индивида в обществе — «трамплин» к девиантному поведению 187
§3. Механизм индивидуального девиантного поведения 197
ЧАСТЬ III. НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ДЕВИАНТНОСТИ 204
Глава 7. Преступность 204
§1. Понятие преступности 205
§2. Основные характеристики (показатели) преступности . 214
§3. Латентная преступность 221
§4. Состояние преступности в современном мире 224
§5. Организованная преступность 248
§6. «Преступления ненависти» и ксенофобия 262
§7. Торговля людьми 274
Глава 8. Терроризм: понятие, угрозы, перспективы 281
Глава 9. Коррупция 289
§1. Понятие коррупции 289
§2. История коррупции в России 294
§3. Коррупция в современной России 297
§4. Стратегия противодействия коррупции 306
Глава 10. Наркотизм 310
§1. Основные понятия 310
§2. Коротко о наркотиках 313
§3. Состояние наркотизма 317
§4. Социально–демографический состав потребителей наркотиков и наркозависимых 323
§5. Об этиологии наркотизма и антинаркотической политике 327
Глава 11. Пьянство и алкоголизм 333
§1. Основные понятия 333
§2. Состояние алкопотребления 335
§3. Социально–демографический состав лиц, имеющих проблемы в связи с алкоголем 349
§4. Антиалкогольная политика 352
Глава 12. Самоубийства 357
§1. Основные понятия и характеристики 357
§2. Самоубийство как социальное явление 364

§3. Право на смерть 369
§4. Проблема генезиса суицидального поведения 372
§5. Некоторые мировые и российские тенденции и закономерности суицидального поведения 380
§6. Социально–демографический состав суицидентов 398
§7. Обстоятельства совершения самоубийства 409
§8. Самоубийство в системе индикаторов социального благополучия / неблагополучия 412
Глава 13. «Отклонения» в сфере сексуального поведения 417
§1. Общая характеристика 417
§2. Проституция 421
§3. Гомосексуализм 431
Глава 14. Иные виды девиантности 439
§1. Правонарушения 439
§2. Нарушение иных, кроме правовых, социальных норм . 440
§3. Отклонения в здоровье и психике 445
Глава 15. Позитивные девиации 448
§1. Постановка вопроса 448
§2. Социология творчества как социология позитивных девиаций 459
Глава 16. Девиантность в «обществе потребления» 462

ЧАСТЬ IV. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ДЕВИАНТНОСТЬЮ 476

Глава 17. Понятие социального контроля 476
Глава 18. Социальные практики 492
§1. «Кризис наказания» 492
§2. Выход из кризиса? 511
Глава 19. Профилактика девиантных проявлений 522
§1. Основные понятия 522
§2. Практика профилактики негативных девиантных проявлений в современном мире 526
§3. Развитие социального творчества 533

Заключение 536
Использованная литература 538
Рекомендуемая литература 593